

Сага о Достоевских

ГЛАВА 3. ПАСЫНОК ПРИРОДЫ

Баловство как педагогический прием

Имя двенадцатилетнего Паши Исаева стало известно государю императору Александру II осенью 1859 года. Оно значится в прощении, которое только что возвратившийся из «мрачных пропастей земли» и пребывающий в Твери Достоевский направляет на высочайшее имя. Ходатайствуя о дозволении жить в Петербурге, недавний каторжник просит оказать ему и другую «чрезвычайную милость» – повелеть принять на казенный счет «в одну из с.-петербургских гимназий» его пасынка Павла Исаева – потомственного дворянина, сына губернского секретаря Александра Ивановича Исаева, «умершего в Сибири на службе Вашего императорского величества... единственно по недостатку медицинских пособий, невозможных в глухом краю...»

О том, что медицинские пособия вряд ли смогли бы избавить упомянутого Александра Ивановича от застарелого алкоголизма, проситель умалчивает. С другой стороны, собственное свое желание перебраться из Твери в Северную Пальмиру он мотивирует неотложной надобностью пользоваться советами многоопытных столичных врачей. Иначе говоря, высочайшему адресату тонко дается понять, что отказ в этой просьбе может повести к не менее печальному, чем в случае со старшим Исаевым, исходу. И тогда бедный пасынок останется *вновь* сиротой.

Но не подобные ли страхи преследуют и мать отрока? «Марья Дмитриевна убивается за судьбу сына, – пишет Достоевский А.Е. Врангелю. – Ей все кажется, что если я умру, то она останется с подрастающим сыном опять в таком же горе, как и после первого вдовства».

Далеко не последнее соображение, склонившее Марью Дмитриевну на брак с Достоевским, – это надежда на то, что будущий муж позаботится о ее ребенке. Собственно, это входило в негласные условия «брачного договора». Как и в случае с Неворотовой, Достоевский без малейших колебаний готов обречь себя на служение тем, кто может оказаться его семьей.

...Во всей поистине необозримой отечественной и мировой литературе об авторе «Преступления и наказания» (а это сотни тысяч печатных страниц) нет ни одной серьезной работы, которая была бы посвящена взаимоотношениям Федора Михайловича Достоевского и Павла Александровича Исаева.

...И снова уместен сакриментальный вопрос: «Что нам Гекуба?» С какой стати ведать о человеке, не сыгравшем заметной роли в творческой жизни Достоевского (разве что образ Лобова в «Вечном муже», прототипом которого принято считать П. Исаева)? К тому же не спасавшем его от детских страхов, как тот же мужик Марей, не смущавшем его больную память, как убиенный отец, не вызывавшем такого взрыва страстей, как, скажем, Аполлинария Суслова, и, конечно, не обладавшем такой интеллектуальной мощью, как иные

из его собеседников – Шидловский, Страхов, Победоносцев или Владимир Соловьев... Да и сама по себе фигура Павла Исаева не очень значительна и, казалось бы, мало чем интересна. Он не романтический, не трагический и даже – при некоторой наклонности к этому – не комический герой. В его жизни не было каких-либо драматических потрясений. Он не совершал ни славных гражданских подвигов, ни бесславных антиобщественных поступков; не отличался ни сексуальными отклонениями, ни психическими расстройствами, столь привлекающими нынешнюю публику; не совершал суицидных попыток; не был ни алкоголиком, ни игроком. Он не обладал какими-то особыми дарованиями. Будучи обычным человеком, он сравнительно мирно провел большую часть жизни рядом с человеком не совсем обычным.

Так что же из этого следует?

Как бы далеко ни отстранялся художник в своем творческом делании от низкой (или, подожим, высокой) прозы обыденного существования, нас не оставляет догадка о тайном родстве этих нередко враждующих сфер. Никому еще не удавалось провести зrimую грань между умопостигаемым творческим духом и так называемой биографической жизнью. Поэтому жизнеповедение Пушкина (Толстого, Достоевского и др.) – в Лицее, на каторге, среди друзей, в любви, в семье, в обществе, на эшафоте, при дворе, на пашне, на войне, на дуэли и т.д. – занимает нас не в меньшей мере, чем постижение смысла их духовных деяний.

Уже приходилось говорить, что гений – это «мы»: в своем, так сказать, пределе. То есть в крайнем проявлении тех качеств, которые присущи человеку как виду. Постиж биографию гения – и для отдельного человека, и для целой нации есть акт *самопознания*.

В России жизнь писателей такого масштаба, как Пушкин или Достоевский, – это часть национальной истории. И все персонажи, попавшие в их орбиту, становятся лицами историческими.

Конечно, история отношений Достоевского с «обыкновенным» Пашией Исаевым лишена той глубины и драматизма, как, например, в случае с Марьей Дмитриевной, с Аполлинарией Сусловой, а также с Тургеневым, Некрасовым или – заочно – со Львом Толстым. Но в известном смысле эта история не менее поучительна.

В долголетнем и неровном общении Достоевского с «завещанным» ему первой женой пасынком обозначились не только педагогические пристрастия автора «Подростка» (этого, как принято говорить, «романа воспитания»). Достоевский в качестве отчима столь же интересен, как и в качестве сына, мужа, брата или отца.

Но прежде всего он интересен именно как Достоевский.

Здесь, в лоне его собственной семьи, как под увеличительным стеклом проступают коренные свойства его натуры, его глубинные человеческие черты. То есть то, на чем тоже зиждется его искусство и без чего его художественная вселенная, очевидно, выглядела бы иначе.

Можно сказать, что и сама «незнаменитая» личность Павла Исаева именно этим и замечательна. Он любопытен сам по себе – впрочем, как любой человек. И в этом сугубо человеческом качестве он равновелик Достоевскому. Оба они выступают на равных, ибо сотворивший их Бог не руководствовался теорией, согласно которой мир делится на «имеющих право» и всех остальных.

Конечно, Павел Исаев – не родной его сын. В нем он не может различить «голос крови» (*своей крови*). Но пасынок – с девяти лет член его первой семьи. После смерти Марии Дмитриевны семья эта состоит всего из двух человек – Федора Достоевского и Павла Исаева. Паша воспитуем отчимом: вообще присутствие мальчика, а затем юноши и взрослого мужа в его жизни постоянно и велико.

Достоевскому не удалось «полномасштабно» воспитать собственных детей: он ушел, когда им было еще очень далеко до совершеннолетия. Паша –

• Сага о Достоевских

единственный, кто находился столь долгое время в поле его родительского внимания. По «стажу» пребывания внутри семейного круга рядом с Достоевским (даже учитывая их пространственные отдаления) он, пожалуй, превосходит других домашних.

Подчеркивание отрицательных свойств приемного сына – действительных или мнимых – традиция, в значительной степени восходящая к членам *второй семьи*. И если в меру сдержанная (помнящая как о литературных различиях, так и о здравствующих детях обсуждаемого лица) Анна Григорьевна в своих воспоминаниях делает упор на легкомыслии, заносчивости и лености Павла Александровича, то свободная от этих условностей ее дочь Любовь Федоровна помимо прочего предъявляет ему укоры антропологического и физиологического порядка.

Именуя сына «белокожей негритянки» (так она аттестует М.Д. Исаеву, которая якобы тщательно скрывала свое происхождение)* «почти мулатом», дочь Достоевского добавляет: «У него была желтая кожа, черные, с блеском, волосы, он вращал глазами, как это делают негры, энергично жестикулировал, принимал неожиданные позы, был злым, глупым и бесстыдным, плохо мылся, и от него скверно пахло».

Можно понять ныне здравствующего правнука П.А. Исаева А.А. Донова, который с горечью замечает, что «потомкам М.Д. Достоевской было заказано высказывать свое мнение, а если быть до конца откровенным, не было никакого желания делать этого».

Дело, однако, не только в восстановлении «биографического баланса» и защите попранной семейной чести. За давностью лет эта задача не так актуальна, хотя в частных применениях, может быть, и уместна. Гораздо важнее реконструировать как внешний ход, так и моральную составляющую тех отношений, которые на протяжении почти 25 лет (и при такой же разнице в возрасте) соединяли двух столь различных людей, как Павел Исаев и Федор Достоевский.

Привязанность Достоевского к Паше, конечно, в первую очередь объясняется тем чувством, которое он испытывал к его матери (ибо все, связанное с Марьей Дмитриевной, близко ему). Тут сказывается еще и присущее автору «Карамазовых» расположение и внимание к детям, с которыми, по наблюдению очевидцев, он быстро находил общий язык. Сообщая А.Е. Врангелю о смерти А.И. Исаева, он не забывает упомянуть о ребенке, который «обезумел от слез и от отчаяния». В его характеристике маленького Паши ощущим острый педагогический взгляд: «...Мальчик добрый, очень остроумный, с большими способностями, благородный и честный, с способностью крепко привязаться и полюбить, но с зародышем страсти сильных».

Далеко не все из этих ранних оценок подтверждаются в дальнейшем. Однако, как бы Достоевский порой ни сердился на пасынка, он никогда не отказывает ему в чистосердечии и доброте.

Еще до женитьбы на Марье Дмитриевне Достоевский принимает на себя обязанности отца: не без успеха пытается устроить Пашу в Сибирский кадетский корпус. В этом учебном заведении тот «все-таки получает образование»: о последнем Достоевский будет хлопотать неустанно. Новобрачная Марья Дмитриевна с некоторым вызовом отпишет сестре, что она «счастлива... за судьбу Паши», который «умно балуем» ее заботливым мужем. Это в ее глазах, пожалуй, главное оправдание их с Достоевским брака.

«Умное баловство» – система воспитания, предполагающая любовь.

Вследствие прошения на высочайшее имя Пашу принимают во Вторую петербургскую гимназию. Откуда он, правда, вскоре исключается за какую-то, как говорит Достоевский, «детскую шалость». (Характер этой шалости, равно как и степень ее детскости, остаются невыясненными**.)

* О генеалогии М.Д. Исаевой см.: «Октябрь», 2006, № 11.

** Любовь Федоровна Достоевская, по обыкновению путая факты, утверждает, что Павел Исаев был исключен из кадетского корпуса.

Сохранилось неопубликованное письмо инспектора гимназии Х.И. Пернера от 30 ноября 1861 года, где он, именуя Достоевского «милостивым государем Михаилом Федоровичем» (вообще-то 65-летнему столичному педагогу, преподававшему когда-то немецкий в Инженерном училище, не возбранялось бы знать имя и отчество не самого безвестного в России писателя), заявляет следующее:

«В следствие нашего разговора относительно Вашего пасынка прошу Вас покорнейше, во избежании дальнейших неприятных последствий, благоволите оставить Вашего пасынка дома и в последствие времени явиться для получения документов, представленных при помещении его в [Гимназию]*. Директорская грамматика и стилистика немного хромают, но из текста можно понять, что Достоевский嘗試 (хотя, видимо, без успеха) спасти ситуацию.

Исаев так и не получит систематического образования – главным образом из-за стойкого нежелания учиться. И это чрезвычайно огорчает его отчима, который в одном из писем к пасынку в сердцах вынужден признать, что великовозрастный (20-летний!) Павел Александрович так и не осилил таблицу умножения. «Ведь ты в 17 лет сложения еще не знаешь, – пишет он несколькими годами ранее, – и даже хвалишься, что у тебя тупые способности (из фанфаронства). Плохо это, брат». Он не устает внушать воспитуемому, что без образования тот пропадет. И даже вступление в брак не должно препятствовать перманентному образовательному процессу. «Ну что же такое, что ты женишься, чем это может помешать тебе учиться? Чем образованнее человек, тем более он учится, и так всю жизнь».

Он вообще склонен полагать, что едва ли не все недостатки его приемного сына проис текают из свойственного тому невежества.

«Друг мой, покамест я жив и здоров, – пишет он в 1863 году из Рима, – ты на меня можешь, конечно, надеяться, но потом? Да что деньги; еще это второе дело. В солдаты можно пойти, в крайнем случае. Но быть невеждой сознательно, по своей воле, отстать от своего поколения, быть ниже и хуже других и, не имея образования, не понимать, стало быть, того, что кругом происходит – и беспрерывно чувствовать это – вот что скверно и ужасно будет».

«Отстать от своего поколения» – это большое горе в глазах того, кто опередил свой век. Он не хочет, чтобы Паша оказался еще и пасынком природы.

Однако ни эти отеческие укоры, ни усилия приглашаемых к юному Исаеву репетиторов – ничто не приносит ощутимых плодов. Вновь в гимназию Паша так и не поступит.

«...Полное, грязное безобразие»

Вместе с тем будущий автор «Подростка» не забывает и о нравственном воспитании. Вспомним его письмо из Парижа (1863), где упоминалось об опасности для юноши разных «глупых знакомств и Юсуповых садов». Между тем, едва успев пересечь русскую границу, Достоевский посещает рулетку. Признаваясь в этом сестре жены Варваре Дмитриевне Констант, он заклинает ее не сообщать упомянутый факт никому из родных или знакомых. И в первую очередь – Паше. «Он еще глуп и, пожалуй, заберет в голову, что можно составить игрой карьеру, ну и будет на это надеяться». Автор письма сознает, что непохвальный отцовский пример может самым пагубным образом оказаться на умонастроениях сына. (А о том, что Паша именно *сын*, – он не устает повторять многократно.) «Ведь забрал же он себе недавно в голову, что будет в магазине приказчиком, чтобы добывать себе деньги, а след^совательно, не надо учиться, и это мне объявил. Ну, и не следует ему знать, что его папаша посещает рулетки. И потому ни слова».

* Благодарим Б.Н. Тихомирова, предоставившего копию письма.

Не опасается ли Достоевский, что Паше, как будущему Родиону Раскольникову, взбредет в голову мысль получить разом «весь капитал»?

Отбывая за границу (где его ждала – вернее, уже не ждала – Аполлинария Суслова), Достоевский вверяет 16-летнего Пашу Исаева попечению М.В. Родевича – молодого учителя, которому надлежало жить на одной квартире с учеником, заботиться о его пропитании и по мере разумения готовить его в гимназию. Само собой, на все эти надобности воспитателю оставляются известные суммы.

Помимо прочего Родевич вызывал доверие еще тем, что печатал статьи во «Времени»: в новейшем – гуманном и вполне либеральном – духе. Однако в своем частном быту автор указанных статей оказался не столь хорош. Его опекунство над Пашей отнюдь не устроило Достоевского, о чем он не преминул сообщить Родевичу письменно. Причем в выражениях, во всей его эпистолярии едва ли не самых резких.

«...Вы оставили на Пашу впечатление отвратительное», – говорится в письме. В вину Родевичу вменяется многое. И то, что, растратив доверенные ему средства, он несколько дней морил мальчика голодом и отсыпал его «кормиться куда угодно». И то, что заставлял его закладывать вещи. И то, что Паша был послышен со статьями Родевича по разным редакциям – с условием, «что если он добудет из редакций деньги, то тогда может взять себе на обед». И то, наконец, что просвещенный наставник вздумал носить его, Достоевского, рубашки, по причине чего между учителем и учимым разгорелся «грязный спор». Паша принужден был благородно напомнить, «что нельзя обходиться легкомысленно с чужой собственностью», и даже стал запирать от бесцеремонного похитителя ящики с отцовским бельем. Но более всего Достоевского коробит то обстоятельство, что Родевич своим поведением подавал воспитуемому очень дурной пример. «Едва я уехал, пошло полное, грязное безобразие... Какой грязный цинизм вливали Вы в молодую душу».

Обо всех этих безобразиях Достоевский узнает, очевидно, с большим опозданием: его письмо написано спустя год после событий. Паша «по неопытности» показал «наглое письмо» своего бывшего учителя отчиму – что и вызвало его негодующий ответ. Известно, что во время отсутствия Достоевского в Петербурге Родевич изредка сообщал ему о том, как идут дела. Письма эти утрачены, но, как можно догадаться, они не содержали тех подробностей, которые так возмутили адресата по приезде. Вскоре Родевич получил направление в Виленскую гимназию, где должен был продолжать свои педагогические труды.

Печатаясь во «Времени», Родевич позиционировал себя в качестве убежденного прогрессиста. Будучи сыном провинциального священника, он без труда усвоил журнальную фразеологию «эпохи гласности». «...Вы писали модные статейки на модные темы, – говорит Достоевский, – и хоть статейки Ваши ровно ничего о Вас самих не доказывали, но, по крайней мере, можно было верить в Вашу искренность и честность» (этот текст в оригинал зачеркнут). Но увы. Оказывается, что и в молодом поколении существует «бездна шарлатанов и негодяев» (зачеркнуто), полагающих, что «за модную, мундирную фразу им простятся всякие безобразия». Мотив для Достоевского не случайный. Недаром замечено, что нравственные черты Родевича могли оказаться в образе семинариста-«нигилиста» Ракитина из «Братьев Карамазовых».

Существует мнение, что конфликт между Достоевским и Родевичем в значительной мере был вызван «отрицательными свойствами посредника между ними», т.е. Паши Исаева. Но, кажется, Паша не столь изощрен, чтобы намеренно затевать интригу. По простоте душевной он сообщает отчиму такие подробности, какие обычно молодые люди не спешат доверить родителям.

«...Когда Вы, – пишет Достоевский Родевичу, – начали водить к себе на квартиру девок и взманили этим Пашу завести себе тоже девку, Вы вступили

с ним в препинанье о том, что Вы имеете право водить б<--->й, а он как воспитанник не имеет!» Вот, оказывается, куда шли отцовские деньги, предназначенные совсем для иного употребления! Меж тем «препинанье», о котором говорится в письме, можно истолковать и в пользу Родевича: выясняется, что педагог не столько подталкивал юного Пашу в пучину разврата, сколько пытался доказать свое исключительное право предаваться последнему. Кстати, в статьях Родевича во «Времени» среди других современных тем затрагивалась и проблема проституции – с сочувственным подходом к служительницам порока и оправданием их занятий общими тяготами социальной жизни.

Интересно, что в первом, более пространном варианте письма (беловик его неизвестен, до нас дошли только черновики) Достоевский находит уместным *оправдываться*. Причем делает это достаточно наивно.

«И что Вы написали Паше в Вашей записке, которую имели наглость препоручить передать мне? Я подслушиваю у дверей? У каких? Когда? Зачем? И где Вы это видели?» Защищаясь от клеветы, он даже согласен возвратить к широкой общественности: «Много людей честных меня знают лично и знают, способен ли я подслушивать». Не удовлетворясь этой патетической ссылкой, Достоевский вступает на довольно зыбкую почву – пытается растолковать оппоненту некоторые, как ему кажется, извиняющие его, Достоевского, подробности:

«Вы упрекаете меня раздражительностью. Я слишком хорошо знаю сам, милостивый государь, больные, дурные и даже некоторые смешные стороны моего характера... Если я и раздражителен (что в себе нисколько не оправдываю), то я не обидлив, я сумею загладить неловкость и обиду, и человек не мучится от меня, потому что видит, что это только наружность, внешность, а зла нет». И заканчивает этот бесподобный пассаж следующим простодушным призывом: «Очень много людей кончали тем, что любили меня, чего и Вам желаю».

К счастью, вовремя сработало писательское (или редакторское) чутье: во втором, кратком варианте письма все эти психологические интимности совершенно отсутствуют.

Как бы то ни было, юный Павел Исаев неизменно находится в поле зрения отчима. Он – предмет его неусыпных забот и волнений. «Думаю я об тебе много, Паша, – пишет Достоевский пасынку 16 августа 1863 года, по приезде в Париж и сразу после сокрушившего его объяснения с Аполлинарией Сусловой (вот когда *вдруг* вспоминается собственная семья!). – Держал ли ты экзамен (к которому его, очевидно, и готовил Родевич. – И.В.) и что выдержал? Со страхом буду ждать от тебя известия».

Страхи эти, как правило, оказывались не напрасными: знаниями Паша не блестал.

В тот же день, 16 августа, Достоевский пишет брату Николаю: «Был ли у тебя Паша и не слыхал ли ты об нем чего, Коля, то есть о том, как он себя держит без меня и чем занимается? Что услышишь, напиши мне откровенно. Боюсь я, что он избалуется без меня».

«Избалуется» – это совсем иное, чем «умно балуем» в детстве. Отчим опасается, что без его догляда в подростке возобладают дурные наклонности. Тем более что на квартире, снимаемой Достоевским, мальчик в отсутствие хозяина предоставлен сам себе, а предполагаемая опека Родевича, как мы убедились, весьма своеобразна. «Да наставляйте, голубчик, Пашу, – пишет он свояченице, В.Д. Констант. – Напишите, что говорит о нем Родевич, если что услышите. Беспокоит меня Паша ужасно».*

* С Варварой Дмитриевной Констант, сестрой жены, у Достоевского сложились весьма доверительные отношения. Очевидно, «недобрая сестра» знала о его романе с А.П. Сусловой, что вроде бы следует из парижского письма Достоевского: «О своих интимных делах я Вам ничего не пишу...» Логично предположить, что адресатка более или менее о них осведомлена.

Между тем еще жива мать отрока, Марья Дмитриевна. Но, поскольку Петербург не самое лучшее место для чахоточных больных, она отправлена во Владимир (который, впрочем, тоже не Ялта). И жить М.Д. Исаевой (во втором браке – Достоевской) остается менее года.

Точнее – до будущей весны.

«Не оставьте его...»

Осенью 1863 года Достоевский перевозит жену из Владимира в Москву и помещает вблизи семейства сестры Веры Михайловны, чей муж, доктор А.П. Иванов, будет наблюдать больную. Автор «Белых ночей» – старый москвич: на время он вновь переселяется из Петербурга в первопрестольную. Он останется с женой до последнего дня.

В самом конце года Достоевский везет 16-летнего Пашу к умирающей матери. Однако вскоре сын высыпается обратно в Петербург – «несколько раньше, чем, может быть, сам рассчитывал». В письме к В.Д. Констант Достоевский так объясняет причины высылки: «Он не произвел здесь того эффекта, на который, видимо, надеялся. Случилось то, что я предвидел и ему предсказывал, а именно: он был довольно несносен Марье Дмитриевне. Легкомыслен он чрезвычайно, и, разумеется, неумение вести себя с очень больною Марьей Дмитриевной (*при всех его стараниях*) тому *причиною*. Мать, давно не видавшая единственного сына, отнюдь не пытается удержать его подле себя. «Впрочем, – добавляет Достоевский, – Марья Дмитриевна от болезни стала раздражительна до последней степени. Ей *несравненно* хуже, чем как было в ноябре, так что я *серезно* опасаюсь за весну. Жалко ее мне ужасно, и вообще, жизнь моя здесь не красна. Но, кажется, я необходим для нее и потому остаюсь».

Он остается, потому что – необходим. Но необходим он и брату Михаилу Михайловичу, который в Петербурге бьется за разрешение нового журнала взамен запрещенного «Времени» и для которого присутствие, а главное, сотрудничество младшего брата бесценно. И младший брат понимает это. Он пишет для «Эпохи» «Записки из подполья» – повесть по замыслу и исполнению совершенно небывалую, не подозревая при этом, что производит «геологический переворот» во всей мировой словесности. Между тем рядом умирает жена – «умирает буквально». Но необходим он и Паше, которого не в силах перенести родная мать и который невеста чем занимается в Петербурге. «Ради Бога, голубчик, Варвара Дмитриевна, *хоть очень изредка*, нисколько не утруждая себя, наблюдайте отчасти с Пашей. Денег ему выдано столько, сколько надо, и, я думаю, он нуждаться не будет. Но если я запоздаю, то не оставьте его».

«Не оставьте его» – вот лейтмотив его просьб к петербургским родным и знакомым.

Разрываясь между Москвой и Петербургом, между умирающей Марьей Дмитриевной и возрождающейся на руинах «Времени» «Эпохой», он чувствует себя ответственным за семью, которая, собственно, тоже пребывает в руинах. «Не слыхал ли чего о Паше? – вопрошают он брата Михаила Михайловича. – Кроме одного письма – ничего не написал, а я велел каждую неделю. Что с ним делается, как он живет? Ради Бога, урвись как-нибудь или поговорить с ним, или пошли к нему на квартиру, что там делается? Это негодяй какой-то!»

Он пытается управлять судьбой пасынка на расстоянии – при помощи брата, Родевича, тетки Варвары Дмитриевны и др. С самим же предметом своих забот он строг или по крайней мере желает выглядеть таковым.

Он жестко выговаривает Паше за то, что, взяв для передачи Михаилу Михайловичу довольно значительную сумму, тот «не почел за нужное» уведомить его, Достоевского, об исполнении этой деликатной комиссии (не-

брежность тем более непростительная, что деньги эти – долг, возвращаемый Литературному фонду: 500 рублей, взятых для поездки за границу, плюс 45 рублей добровольного взноса). Он говорит, что Паша был обязан немедленно известить его, потому что «об деньгах нельзя не уведомлять», что это невежливо и т.д. Он требует, чтобы Паша не ленился, не манкировал своими корреспондентскими обязанностями, а подробно описывал все, что происходит с ним в его самостоятельной жизни. «Письма пиши аккуратно каждую неделю. Не то будет худо, Паша».

Отцовство дает ему право на подобный взыскательный тон. И он не пренебрегает этим педагогическим средством. «Ты не только дурной сын, с скверным, ехидным сердцем (о здоровье матери хоть бы осведомился по крайней мере) – но ты просто глуп. Воображаю, как ты ведешь себя в Петербурге. Я строго спрошу по приезде, будь уверен». И как решающий довод – грозное во-прощение (скорее, правда, риторического порядка): «...Можно ли обходиться с тобой как с порядочным человеком?»

Судя по всему, эти иеремиады не очень-то устрашают адресата. Впервые, он к ним, по-видимому, привык. А во-вторых, хорошо зная своего корреспондента, помнит об его отходчивости. И вполне может счесть эти эпистолярные наставления – ритуальным родительским «наездом», предполагающим неизбежное морализаторское брюзжание. «До свидания, Паша, учись и занимайся. Не таскайся и не привыкай к подлой праздности. Кто ничего не хочет делать, тому одна дорога смолоду: быть шнапаном* и подлецом. И не хочешь, так поневоле сделаешься. Надеюсь, что ты не пойдешь по этой дороге». При всем при том заключительная формула письма «Тебе всей душою преданный Ф. Достоевский» призвана смягчить «ехидное сердце» адресата.

Кстати, апелляция к сердцу – вовсе не риторическая фигура. В «системе доказательств» Достоевского сердце – это решающий аргумент: «Хоть бы эта мысль, что ты, может быть, скоро осиротеешь, удержала тебя хоть сколько-нибудь от ветрености и заставила бы серьезно смотреть на жизнь. Я все до сих пор стоял за то, что у тебя сердце есть доброе. Если уж этого не будет, так куда ж ты будешь годиться?»

Впрочем, такие ламентации – исключительно для внутреннего употребления. В характеристиках же, предназначаемых для третьих лиц, Достоевский ни разу не упрекнет пасынка в ехидстве или жестокосердии (и тем более в «злобном и скверном характере», как это делает Любовь Федоровна). Напротив, выставляются наиболее привлекательные черты.

«Он хоть и шалун, но честен», – пишет Достоевский брату Михаилу Михайловичу в апреле 1864 года, то есть примерно в то же время, когда Паше адресуются приведенные выше ругательные эпитеты. – Я это знаю и за это отвечаю». И о том же будет сказано спустя годы в адресованном Каткову драматическом послании, речь о котором впереди.

В конце марта 1864 года становится очевидным, что дни Марьи Дмитриевны сочтены. Достоевский понимает, что сыну надо проститься с матерью («он, пожалуй, будет еще потом меня упрекать за то, что я его не выписал в Москву...»). Но тонкость ситуации заключается в том, что Марья Дмитриевна вовсе не рвется увидеться с сыном и согласна призвать его только тогда, «когда почувствует, что умирает, чтоб благословить». Между тем она строит планы относительно летней жизни на даче, и напоминать ей о Паше в высшей степени рискованно. «Она ужасно мнительна, сейчас испугается и скажет: «Значит, я очень слаба и умираю». Чего же мучить ее в последние, может быть, часы ее жизни?» Не хочет он мучить и Пашу, прося брата не пугать юношу, готовя его к неизбежной развязке («хотя его, кажется, не испугаешь»).

Щадя всех, Достоевский предлагает следующий сценарий. По смерти Марьи Дмитриевны он даст брату телеграмму – с тем, чтобы тот незамедли-

* От фр. *chenapan* – негодяй, хулиган, лодынь.

тельно, в тот же день, отправил Пашу в Москву. «Невозможно, чтоб он и на похоронах не присутствовал». Но, поскольку у Паши нет приличествующего слушаю платья, он умоляет брата перед отправлением за «дешевейшую цену» купить пасынку все необходимое – черный сюртук, штаны, жилет и т.д. Зная характер опекаемого лица, он просит брата быть бдительным:

«Да когда будешь отправлять Пашу, то в толчки гони его ехать, а то он, пожалуй, выдумает какую-нибудь отговорку и отложит до завтра. Приставь к нему в тот день для наблюдений кого-нибудь. Ради Бога».

Независимо от сего с Пашей ведутся переговоры о покупке ему нового пальто. Требуемую им непомерную сумму в 28 рублей Достоевский срезает до 12-ти («или по крайней мере в 15 рублей»), ссылаясь на свое безденежье (деньги приходится занимать у брата) и укоряя пасынка в намерении «задать шику» и нежелании «отказать себе ни в малейшем почесывании». «Мамаше сегодня вечером слишком, слишком худо, – заканчивает он свое послание. – Доктор ни за что не отвечает. Молись, Паша».

Марья Дмитриевна умрет 15 апреля 1864 года в семь часов вечера*.

Депеша о смерти почему-то задержится: брат получит ее только в ночь на 17-е. Михаил Михайлович отпишет Достоевскому, что 17-го же утром он «скрутил Пашу» и отправил его в Москву. Поскольку Марью Дмитриевну хоронили 17-го, нет уверенности, что сын успел к погребению.

Через три месяца Достоевского постигнет еще один жесточайший удар. Из Павловска, где проводил лето Михаил Михайлович, он напишет Исаеву: «Милый Паша, пришли мне белья. Брат при смерти». Михаил Михайлович умрет 10 июля. Достоевский останется один. На его руках – семейство покойного брата.

И, разумеется, по-прежнему тот, кто недавно сделался круглым сиротой.